

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на 5 мѣсяцев	8 франк.
» 3 мѣсяца	5 »
» 2 мѣсяца	3 »
» 1 мѣсяцъ	2 »

ВЫХОДИТЬ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦѢ

1 и 15 ЧИСЛА

Отдѣльные нумера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE», Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

1re СЕНТЯБРЯ 1882

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Поучительный примѣръ. — 2) Новое насилие петербургскаго правительства (письмо В. Сидорацкаго). — 3) Иски поднадзорныхъ и ссыльных. — 4) Женскія «обители» — 5) Быстрота работъ синодальнаго оберъ-прокурора. — 6) Новая сторона еврейскаго вопроса. — 7) «Балтійскій федерализмъ», рецензія М. Драгоманова. — 8) Борьба партій и рабочее движеніе въ Австріи, III, В. Мак. — 9) Письма о политико-соціальныхъ партіяхъ во Франціи, III: децентрализационныя реформы (окончаніе). — 10) Остатки прошлаго и перспектива будущаго народнаго образованія во Франціи, Нефедова. — 11) Квартирный вопросъ въ Парижѣ. — 12) Хроника социально-экономической борьбы: къ статистикѣ капиталистическаго общества. — 13) Библиографія: «Черный передѣлъ реформъ императора Александра II». — Иностранная цензура въ XV томѣ «Политической исторіи» В. Мюллера. — II-й томъ «l'Empire des Tsars et les Russes», Леруа-Болье. — 14) Извѣстія и замѣтки: побѣги заключенныхъ въ петропавловской крѣпости, изъ Сибири и тюрьмы въ Одессѣ; шайки поджигателей въ Кіевской губерніи; ночные безпокойки въ Монсеан-les-Mines; прошествіе въ Саратовскомъ острогѣ. — 15) Опечатки. — 16) Объявленія.

ЖЕНЕВА, 1 Сентября 1882 г.

Въ настоящемъ №-рѣ мы отводимъ много мѣста внутреннимъ дѣламъ Франціи. Живой примѣръ великаго народа, организованнаго въ сильную политическую націю, лучше всякихъ разсужденій а priori, казалось намъ, доказываетъ ту истину, что коль скоро въ общественномъ сознаніи прочно укоренится идея о свободѣ чело-вѣческой личности и ея достоинствѣ и политическая полноправность изъ области мечтаній и стремленій партіи перейдетъ въ обычную практику жизни, станетъ достояніемъ всего народа, то становится неизбѣжнымъ движеніе въ сторону развитія мѣстнаго самоуправления, и съ такою силою, что ни личные таланты, ни сплоченіе централистовъ въ организованное цѣлое на верхахъ правленія не въ состояніи ему противодѣйствовать съ сколько нибудь продолжительнымъ успѣхомъ. Народу, выросшему изъ состоянія подначальнаго, самое слово опека становится ненавистнымъ; всякія заявленія о намѣреніи его благодѣтельствовать становятся подозрительными въ его гла-

захъ, коль скоро эти заявленія не сопровождаются передачею въ руки каждому органу общежитія власти самостоятельно распоряжаться общественными нуждами и пользами. Таковъ, на нашъ взглядъ, дѣйствительный смыслъ движенія, охватившаго столицу и провинціи Франціи. А если страна требуетъ свободы мѣстнаго самоуправления и твердо рѣшилась идти по пути къ ея осуществленію, то, съ одной стороны, она, покуда не окончится внутренняя борьба, остается равнодушною ко всѣмъ напѣвамъ о ея внѣшнемъ величій, о необходимости удержатъ вліятельное положеніе среди иностранныхъ державъ—рѣшительницъ судебъ подвластныхъ народовъ, а съ другой — она не дастъ въ правительствѣ мѣста людямъ, желающимъ поработить волю всѣхъ воле одного или немногихъ, хотя бы и избранныхъ, стремящихся къ приобрѣтенію славы — не столько для отечества, разумѣется, сколько для себя лично — цѣною застоя въ гражданскомъ развитіи, цѣною приниженія личности, ослабленія ея дѣятельности на пользу общую въ родной средѣ, у себя дома. Въѣстъ съ тѣмъ, какъ естественное противодѣйствіе диктаторскимъ стремленіямъ, обыкновенно поддерживаемымъ народною темнотою, пробуждается въ болѣе сознательной части общества стремленіе къ свѣту, разливаемому знаніемъ. Народная школа, доступная всякому ребенку, обязательная, безплатная выступаетъ на ряду съ требованіями самоуправления, помогая послѣднему укрѣпить въ народѣ духъ гражданской самостоятельности и достоинства свободнаго чело-вѣка. Да послужить примѣръ французамъ, становящихся на твердую почву свободы, поучительнымъ примѣромъ для нашихъ мечущихся общественныхъ дѣятелей и политиковъ! Подобныя примѣры en gros если не всегда вызываютъ подражаніе, то не могутъ не вызвать на раз-

мышленіе, а отсутствіе политической логики едва ли не главная причина нашей хромоты въ погонѣ за быстроногими идеалами общественнаго благополучія.

Нашъ сотрудникъ, г. Сидорацкій, прислалъ въ редакцію письмо, хотя и касающееся его лично, но имѣющее и общее значеніе, какъ новый примѣръ насилія петербургскаго правительства надъ лицами, не желающими, хотя бы за предѣлами отечества, вмѣщать свои мысли и рѣчи въ рамки предписаній главнаго управленія по дѣламъ печати.

Вотъ это письмо:

ММ. ГГ.

На сколько враждебно русское правительство относится къ свободѣ слова не только у себя въ Россіи, но даже и въ остальныхъ мѣстахъ земнаго шара, это можно видѣть изъ слѣдующаго факта. Въ № 39 «Вольнаго Слова» была помѣщена моя статья о полицейскомъ надзорѣ, не заключающая въ себѣ никакихъ воззваній къ революціи. Статьи эта писана и печатана за-границей, куда ни русскіе законы, ни русскіе порядки не имѣютъ права входить, а если иногда и показываются, такъ лишь для того, чтобы возбудить всеобщую потѣху.*) Въ русскомъ уложеніи о наказаніяхъ нѣтъ такой статьи, которая воспрещала бы печатать за границей безъ предварительнаго просмотра цензоромъ. Посылая въ редакцію свою статью, я не выходилъ изъ предѣла законовъ той страны, въ которой живу въ настоящее время; я воспользовался французскимъ правомъ, по которому всякій здѣсь живущій можетъ писать и печатать почти все, что ему вздумается.

Между тѣмъ, какъ результатъ появленія моей статьи, вышло распоряженіе русскаго правительства «о задержаніи меня» на всѣхъ пограничныхъ пунктахъ Россійской Имперіи, и мнѣ заранѣе назначена ссылка въ Сибирь, изъ которой всего полгода тому назадъ я такъ любезно (безъ моей просьбы объ этомъ) былъ освобожденъ.

Внезапное измѣненіе милости на гнѣвъ! Трудно рѣшить, что въ данномъ случаѣ пе-

*) Требованіе выдачи Гартмана и высылки Лаврова.

въ Болгаріи не хуже, чѣмъ нѣкогда въ Румыніи; болгарскія же партіи, поглощенные взаимною борьбою, проглядѣли время и позабыли поставленіе своего доброжелателя. Балтскія и пр. событія вызвали новый приливъ еврейства; въ послѣднее же время сыны Израиля стали переходить Дунай партіями въ 40, 50 или даже 100 человѣкъ. Въ болгарскихъ газетахъ пишутъ, что въ нѣсколько дней въ Софію пришло 2000 евреевъ, а такъ какъ всего населенія въ столицѣ княжества не болѣе 21.000, въ числѣ которыхъ уже было довольно евреевъ, коренныхъ и пришлыхъ, то можно себя вообразить значеніе, которое приобрѣлъ тамъ этотъ элементъ!

Болгарскій народъ такъ забить и такъ выносливъ, такъ привыкъ терпѣть, что бы то ни было и отъ кого бы ни было, что съ его стороны не послѣдовало и не ожидается никакого противодѣйствія; первое столкновеніе, однако, случилось на дняхъ въ Софіи, но оно имѣло совершенно другой характеръ, нежели еврейскіе беспорядки въ Россіи или Румыніи: евреи были зачинщиками и пришельцы били хозяевъ страны. На одномъ публичномъ гуляньи, толпа евреевъ, человѣкъ въ 500, не хотѣла ни подчиняться общимъ правиламъ, ни платить за потребленные ими продукты, избивъ прислугу и хозяина ресторана, равно какъ и тѣхъ изъ гулявшихъ болгаръ, которые заступились за своихъ согражданъ; евреи не уступили и передъ подоспѣвшею на мѣсто помощи полиціею, крича: «насъ не смѣете трогать, мы вашихъ законовъ не слушаемъ, мы подданные русскіе!» Другіе же кричали: «а мы австрійскіе подданные! а мы румынскіе!» Арестованные полицейскими были тотчасъ же освобождены (не смотря на то, что на площади передъ гуляньемъ собралось чуть не все населеніе города) и полиціи приходилось плохо, покуда не явился «храбрецъ» приставъ, г. Тома, который схватилъ двухъ евреевъ за воротъ и собственноручно потащилъ ихъ въ участокъ. Вся толпа, съ крикомъ и гвалтомъ, двинулась вслѣдъ, не смѣя однако тронуть смѣльчака; человѣкъ же 40 евреевъ бросились къ княжескому дворцу и вызвали одного изъ адъютантовъ князя, съ которымъ и явились въ участокъ выручать соотечественниковъ. Адъютантъ дѣйствительно взялъ сторону евреевъ и приказалъ приставу ихъ выпустить, а самому явиться дать отвѣтъ за свои поступки передъ княземъ; но исполненный цинизма приставъ, оказавшійся единственнымъ мужественнымъ человѣкомъ въ столицѣ Болгаріи (судя по имени, не болгаринъ и не русскій), рѣшительно отказался исполнить незаконное требованіе адъютанта, о чемъ и составилъ протоколъ.

И нарочно распространился объ этомъ происшествіи, потому что оно характеризуетъ, какъ евреевъ, такъ и болгаръ, на-

*) Что можетъ быть оскорбительнѣе для національнаго достоинства болгаръ и наглѣе подобныхъ заявленій? Ред.

родъ и власти. По слухамъ, подобныя же случаи происходятъ и въ другихъ городахъ княжества. Въ Забалканской Болгаріи, куда еще евреи не успѣли проникнуть, по крайней мѣрѣ, въ значительномъ количествѣ, существуютъ живѣйшія опасенія, и населеніе, которое тамъ энергичнѣе, чѣмъ въ княжествѣ, готовится къ отпору. Въ Сербію тоже прибываютъ нежеланные гости и бѣлградская еврейская община, т. е. шпаньолы, публично опровергаютъ разнесшійся было слухъ о томъ, будто они призываютъ евреевъ-нѣмцевъ. Увѣренію ихъ слѣдуетъ вѣрить, такъ какъ прибытіе чужихъ евреевъ вдвойнѣ непріятно мѣстнымъ: еврей-нѣмцы (т. е. нѣмецкаго языка) ловче и энергичнѣе шпаньоловъ и дѣлаютъ имъ опасную конкуренцію, а въ то же время и навлекаютъ ненависть народную на евреевъ вообще. Еще враждебнѣе къ пришельцамъ расположены Греки и Армяне, со стороны которыхъ и выйдетъ, вѣроятно, инициатива противодѣйствія еврейскому пашествію. За евреевъ Русскіе (т. е. чиновники и дипломаты), можетъ быть, охотно видящіе теченіе евреевъ изъ Россіи на Востокъ, а можетъ быть, и заинтересованные въ крупныхъ еврейскихъ предпріятіяхъ, Австрійцы, подъ защиту которыхъ ищутъ стать всѣ евреи на Востокѣ и которые видятъ въ нихъ пионеровъ для своего политическаго и военнаго движенія къ Эгейскому морю, наконецъ, и съ наибольшимъ расчетомъ, Германцы, такъ какъ евреи дѣйствительно прокладываютъ путь ихъ «языку» и «культурѣ» повсюду, гдѣ поселяются.

Вотъ какъ стоятъ теперь шансы еврейскаго движенія на балканскомъ полуостровѣ; движеніе это имѣетъ важное экономическое, социальное и политическое значеніе, а возникающій изъ него еврейскій вопросъ на Востокѣ — только часть великаго Восточнаго вопроса. Въ недалгомъ времени я, можетъ быть, соберусь съ силами, чтобы къ этому изложенію фактовъ прибавить нѣкоторыя мысли, какъ о вѣроятномъ ходѣ дальнѣйшихъ событій, такъ и о политикѣ, которая бы наиболѣе соответствовала благу заинтересованныхъ народовъ.

*

„БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛИСТЪ. Политическое, безцензурное либеральное мѣсячное изданіе». (Der Baltische Föderalist. Politische, uncensurte liberale Monatsschrift. № 1. August. 1882. Genève. Librairie Elpidine). *)

Передъ нами первый № новаго заграничнаго изданія, имѣющаго въ виду Россію вообще и часть ея, извѣстную подъ названіемъ

*) Программа «Балтійскаго Федералиста» была разослана въ редакціи остзейскихъ и даже финляндскихъ газетъ, какъ видно изъ отзывовъ этихъ послѣднихъ, далеко, разумѣется, неблагоприятныхъ. Гельсингфорская «*Unsi Suometar*» сочла даже нужнымъ заявить, по поводу этой программы, объ «отвращеніи» своихъ соотечественниковъ къ «русской революціонной партіи» и ко всѣмъ ей «отдѣламъ» и увѣриетъ, что «иноземнымъ реформаторамъ

Балтійскихъ или Остзейскихъ провинцій, въ особенности. Номеръ этотъ состоитъ изъ слѣдующихъ статей: Къ читателямъ. Ред.—Къ моимъ балтійскимъ землякамъ. Эрнста Барка изъ Лифляндіи.—Русская революція и Балтійскія провинціи, того же автора.—Внутреннее положеніе Россіи.—Библиографія: Dragomanov. Le Tyranicide en Russie et l'Europe occidentale (переводъ нѣсколькихъ страницъ съ благосклонною замѣткою).

Какъ видно изъ вступительной статьи, первая цѣль изданія—дать каждому русскому гражданину, а особенно каждому балтійцу, мѣсто для «вольнаго слова въ его землякамъ». Затѣмъ «Балтійскій Федералистъ» желаетъ быть «органомъ къ услугамъ русской революціи» и особенно «органомъ балтійской секціи русскихъ революціонеровъ». Самъ журналъ, какъ можно предположить и по заглавію, стоитъ за «организацию русской революціонной партіи на федеративномъ принципѣ, т. е. за составъ ея изъ многихъ самостоятельныхъ группъ съ оригинальными тенденціями и особыми программами, которыя группы соединяются только для достиженія общихъ цѣлей»,—а потому допускаетъ даже «рѣзкую критику принциповъ и дѣйствій, которые не согласны съ принципами Балтійской секціи»,—думалъ, что такая критика не поведетъ интересамъ революціонной партіи вообще.

Свое отношеніе къ дѣйствующимъ национально-русскимъ революціонерамъ «Балтійскій Федералистъ» опредѣляетъ въ двухъ слѣдующихъ статьяхъ. Онъ указываетъ особенно на то, что эти революціонеры въ послѣднее время «стали изъ мечтателей о реформированіи міра реальными политиками» (стр. 5), и видитъ эту перемѣну особенно въ программѣ, напечатанной въ Женевѣ въ мартѣ прошлаго года и подписанной: «Группа живущихъ въ Швейцаріи русскихъ эмигрантовъ». —какую программу г. Баркъ перевелъ цѣлкомъ на нѣмецкій языкъ и рекомендуетъ вниманію своихъ балтійскихъ земляковъ. Программа эта заключаетъ въ себѣ рѣзко такъ называемыхъ основныхъ правъ и политическихъ свободъ съ довольно широкимъ для русскихъ программъ послѣдняго времени (хотя, по нашему мнѣнію, все таки не вполне достаточнымъ) признаніемъ принципа децентрализаціи и съ умѣреннымъ признаніемъ необходимости и реформъ социально-экономическихъ. Для практическихъ цѣлей «Балтійскаго Федералиста» эта программа имѣетъ одинъ только недостатокъ,—это то, что она стоитъ совершенно въ сторонѣ отъ всѣхъ практически заявившихъ себя въ Россіи революціонныхъ группъ, между которыми самая видная, «партія Народной Воли», какъ извѣстно, высказала идеи весьма далекия отъ принципа федеральнаго, а въ то же время въ вопросахъ социальныхъ идетъ гораздо далѣе женевской программы. Впрочемъ, съ партіей «Народной Воли», о которой даже ея недавніе конкуренты говорятъ въ послѣднее время какъ «о стоящей во главѣ русской со-

общественнаго строя» въ землѣ Suomi «совсѣмъ нечего дѣлать, и всего меньше такимъ, которые стремятся разрушить то, что мы (суоми) считаемъ наиболѣе святымъ и дорогимъ». Такъ ли это? Ред.

циально-революционной партии», разделяет «Балтийского Федералиста» и непризнание последним «революционного терроризма с систематическими политическими убийствами», и «принципиальное уклонение от участия в террористической деятельности» (стр. 12). Сь другой стороны, «Балтийский Федералист» не берется «поддерживать и социалистических донкихотств русских революционеров» (стр. 16), а так как революционные группы, которые заявили себя в России, принадлежат или к «террористам», или, говоря наиболее легким термином «Балтийского Федералиста», к «мечтателям» (Schwärmer), то собственно трудно понять, о каком совместном действии (Zusammengehen) между «русскими революционерами» и «балтийскими либералами и федералистами» говорит новый орган. Нам кажется, что он бы лучше поставил свою задачу, если бы прямо высказался о необходимости образования с-всѣмъ новой революционной партии в России (мысль, к которой «Балтийский Федералист» близок в началѣ 12 страницы), и был бы на самой практической дорогѣ, если бы изложил свои взгляды на возможность образования одной изъ групп такой будущей партии — именно балтийской группы.

Между тѣмъ, то, что сказано в 1-мъ №-рѣ «Балтийского Федералиста» специально о балтийских провинциях, кажется нам не только еще более темнымъ, нежели его отношение к национально-русскому революционному движению, но даже и очень невѣрнымъ.

Начать съ того, что новый журналъ выдумываетъ новый национальный терминъ: балтийцы (wir Balten, uns Balten — постоянно говоритъ онъ). По нѣкоторымъ мѣстамъ журнала можно судить, что онъ готовъ считать этихъ балтийцевъ за часть нѣмцевъ. Такъ, на стр. 13 онъ говоритъ, что балтийскія провинции принадлежатъ по образу мыслей, правамъ, симпатіямъ, языку и пр. больше къ Германіи, нежели къ Россіи; а на стр. 4 говоритъ о значеніи балтийцевъ на границѣ двухъ міровъ, германскаго и славянскаго, и разрѣшеніи нѣмецко-русскаго столкновенія интересовъ. Между тѣмъ кто же не знаетъ, что въ остзейскихъ провинціяхъ нѣмцы составляютъ не болѣе 10% населения, котораго масса — латыши и эсты, т. е. не нѣмцы и не русскіе, и даже не славяне. Странно, что во всемъ номерѣ специально-балтийскаго органа эти латыши и эсты даже вовсе не названы! Правда, въ этомъ номерѣ нѣсколько разъ говорится о равенствѣ национальностей и языковъ, а потому слѣдуетъ надѣяться, что «Балтийский Федералистъ» не обидитъ интересовъ націи эстской и латышской, — но прежде всего слѣдовало бы назвать эти націи, ихъ интересы и стремленія. Это слѣдуетъ тѣмъ болѣе, что вѣдь въ балтийскихъ провинціяхъ существуетъ совсѣмъ недвусмысленный антагонизмъ между населеніемъ эстскимъ и латышскимъ, съ одной стороны, и нѣмецкимъ — съ другой, и что этотъ антагонизмъ эксплуатируется и русскимъ абсолютизмомъ, и тѣмъ национально-русскими централистическими партиями, съ которыми собирается бороться «Балтийский Федералистъ». Умолчаніемъ въ такихъ дѣлахъ ничего не выиграешь.

Если умолчаніе о нѣмецкихъ и нерусскихъ народахъ «Балтийскаго отечества» пока только нѣсколько странно въ Балтийскомъ органѣ, то его взгляды на социальныя отношенія въ этомъ отечествѣ прямо таки невѣрны. Признавая значеніе для Западной Европы и Россіи социальнаго вопроса, г. Баркъ говоритъ однако жъ о своемъ отечествѣ: «ни социализмъ европейскій, ни развившійся изъ него видоизмѣненный подъ вліяніемъ русскихъ условий русскій социализмъ не могутъ найти отголоска въ балтийскихъ провинціяхъ: дѣйствія экономическія отношенія не достигли еще такого развитія, чтобы заставить почувствовать давленіе темныхъ сторонъ капиталистической формы хозяйства, пауперизмъ, рабочій пролетаріатъ и безграничную конкуренцію, а трезвый, практическій смыслъ населенія, равно какъ его опытъ въ веденіи собственныхъ публичныхъ дѣлъ — исключаетъ фантастическое, теоризирующее шарлатанство, вмѣстѣ съ социалистическими мечтаніями о будущемъ, въ настоящее время непрактическими и неосуществимыми. Балтийскія провинции могли только тогда приступить къ русскому революционному движению, какъ содѣйствующій факторъ, когда чисто политическія цѣли начали дѣлаться двигательными мотивами русскихъ революционеров» (стр. 14—15).

Положимъ, что въ балтийскихъ провинціяхъ фабричная жизнь мало развита, хотя все же она существуетъ; по эти провинции превосходятъ всѣ остальные въ Россіи развитіемъ сельскаго пролетаріата, такъ какъ въ нихъ почти все сельское населеніе — безземельные арендаторы или батраки. Если въ балтийскихъ провинціяхъ нѣтъ социальнаго вопроса, то послѣ этого можно сказать, что его нѣтъ и въ Ирландіи! Для кого же тайна, что среди латышскаго и эстонскаго крестьянства существуетъ весьма сильное движеніе противъ нѣмецкихъ землевладѣльцевъ, потомковъ феодаловъ, его покорившихъ и обезземелившихъ?! Всякая маломальски практическая и политическая партия въ Балтийскомъ краѣ должна непременно считаться съ этимъ движеніемъ, а особенно партия автопомистовъ-либераловъ, такъ какъ иначе централисты абсолютисты изъ обрусительнаго лагеря непременно воспользуются (и уже пользуются!) аграрно-национальнымъ движеніемъ эстовъ и латышей въ своихъ интересахъ. Въ этомъ отношеніи Балтийскія провинции представляютъ наиболѣе обостренную форму всероссійскихъ политико-социальныхъ отношеній.

«Балтийскій Федералистъ» имѣетъ право быть болѣе или менѣе строгимъ къ тому, что онъ называетъ социалистическимъ фантазерствомъ, хотя все таки врядъ ли кто нибудь придумаетъ общую формулу, болѣе отвѣчающую идеѣ справедливости, чѣмъ формула коллективнаго производства и потребления, а потому въ общихъ чертахъ и болѣе практическую. Но социальный вопросъ и социальное движеніе существуютъ въ настоящее время и помимо отъявленныхъ социалистическихъ партій и сектъ. Оно проникаетъ теперь всю общественную жизнь на столько, что нигдѣ въ цивилизованномъ мірѣ «чисто-политическихъ» партій теперь быть не можетъ.

Не можетъ быть и въ Россіи такихъ пар-

тій, а особенно либеральныхъ партій безъ примѣси социальныхъ стремленій. Россійскій политическій либерализмъ XIX ст. началъ съ требованія политической свободы и эмансипаціи крестьянъ. Въ царствованіе Александра II идея о земскомъ соборѣ поставлена была впервые серьезно, какъ только оказалось, что абсолютизмъ не въ состояніи рѣшить удовлетворительно освобожденіе крестьянъ съ землею. Послѣ того первый проявленія революціоннаго движенія въ Россіи приняли социалистическій характеръ, котораго никогда уже и потерять не могутъ. Все болѣе либеральное въ русскіихъ земствахъ — въ то же самое время и болѣе благопріятно аграрно-социальнымъ реформамъ. Лучшие писатели русскіе, по своимъ стремленіямъ, могутъ быть, если ихъ мѣрить на нѣмецкій аршинъ, какъ г. Баркъ, который приравниваетъ симпатичныхъ ему русскихъ революционеров къ нѣмецкимъ прогрессистамъ, причислены по крайней мѣрѣ къ катедер-социалистамъ. Наконецъ, необходимость въ Россіи социальныхъ реформъ поняло теперь и реакціонное ея правительство, которое хоть робко, но все таки вступаетъ на дорогу прусскаго консервативно-христіанскаго социализма.

Все предвѣщаетъ, что, начнется ли дѣло политическаго преобразования Россіи съ созванія всеимперскаго земскаго собора, или съ уступокъ правительства провинціальнымъ земствамъ, — все предвѣщаетъ, что борьба за политическую свободу, или, если хотите, борьба абсолютизма и либеральныхъ слоевъ общества за власть въ странѣ, совершится въ Россіи на почвѣ социальныхъ вопросовъ. Этого обстоятельства не должна упускать изъ виду никакая либеральная, а особенно федеральная партия, — а тѣмъ болѣе въ балтийскихъ провинціяхъ, гдѣ сословные антагонизмы осложняются національными.

М. Драгомановъ.

БОРЬБА ПАРТІЙ И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ АВСТРИИ.

III. *)

Указавши главнѣйшія проявленія движенія среди заводскихъ рабочихъ за текущій годъ, мы теперь обратимся къ движенію среди крестьянъ земледѣльцевъ.

Мы уже намекали на то, что движеніе это проявляется не столько среди собственно земледѣльческаго пролетаріата, сколько среди крестьянъ землевладѣльцевъ и что оно отличается въ значительной степени консервативнымъ характеромъ. Занятые почти исключительно своимъ хозяйствомъ и удаленные отъ умственного и политическаго движенія послѣднихъ десятилѣтій, крестьяне пробуждены были къ обсужденію сложныхъ политико-экономическихъ вопросовъ — частію, какъ мы видѣли, не по своей инициативѣ, частію — тѣмъ труднымъ положеніемъ, въ какое они поставлены были возрастаніемъ давленія капитала и ихъ задолжаніемъ, — и явились на политическую арену съ тѣмъ запасомъ идей, какія у нихъ были назадъ тому двадцать пять — тридцать лѣтъ, въ моментъ испытаннаго ими крупнаго перево-

*) См. №№ 41 и 43.